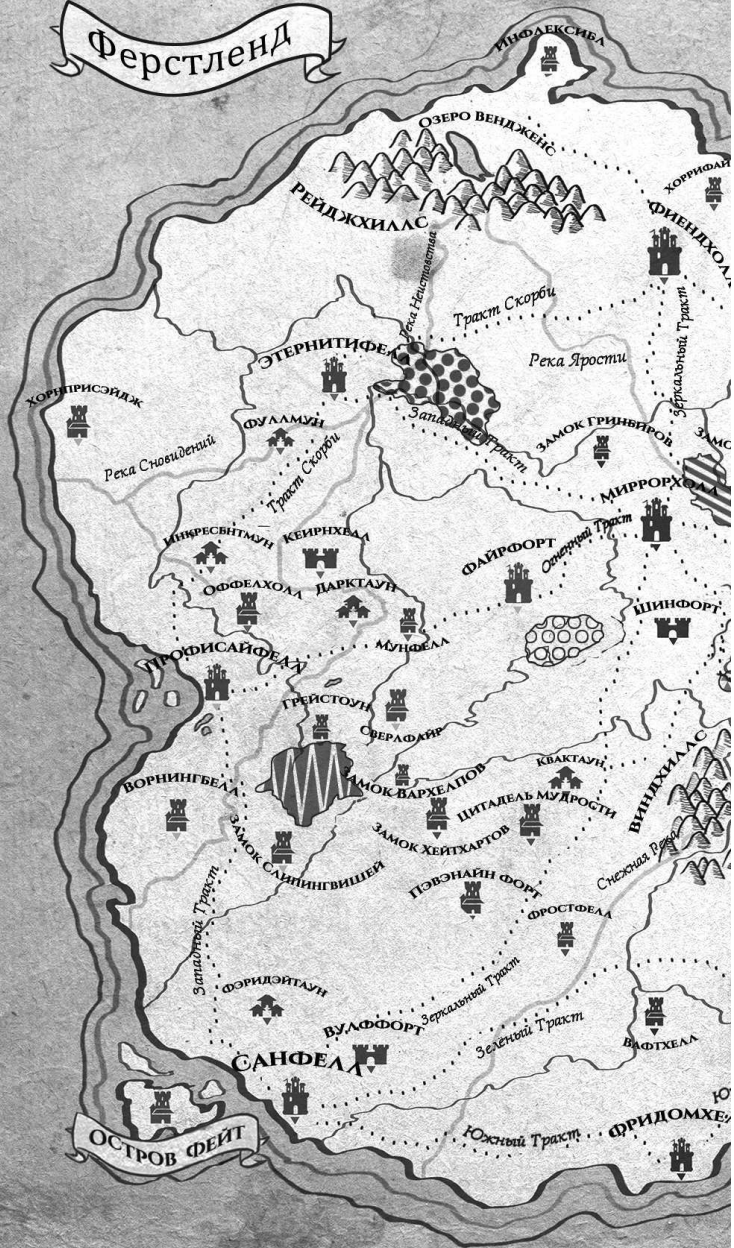

Ферстленд

ЛЕГЕНДА

ДОЛИНА ТЫСЯЧИ СТРЕЛ

СТЕКЛЯННАЯ РАВНИНА

ДОЖДЛИВАЯ НИЗИНА

РОВ КРАСНЫХ КОПИЙ

МЁРТВЫЕ ХОЛМЫ

ГЛАВНЫЙ ЗАМОК

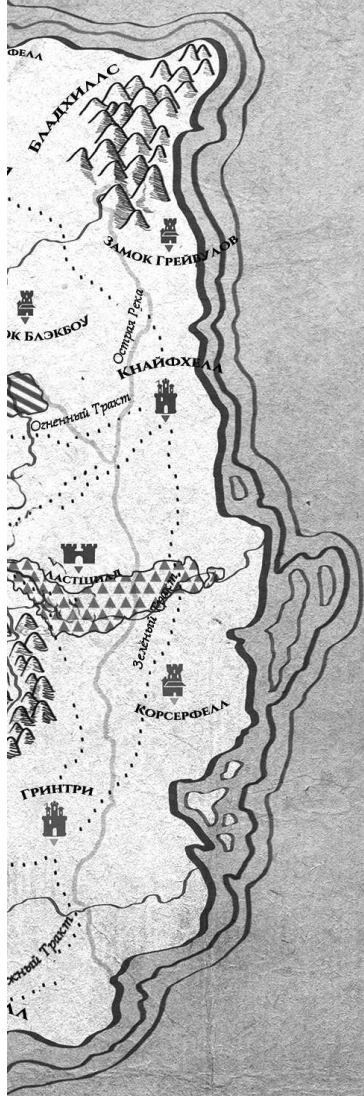
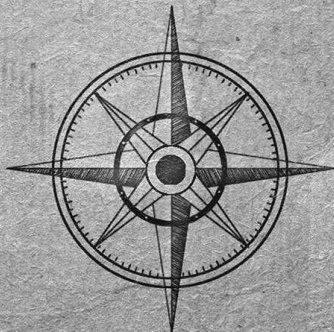
КРЕПОСТЬ

ГОРОД

ЗАМОК

Зейир

— Милорд Зейир Флейм.
На пути стоял рослый, жилистый рыцарь с изуродованным шрамами лицом. Он, насколько помнил Зейир, отправился вместе с лордом Мортонем Бладсвордом, когда тот покидал Санфелл.

Оруженосцы бывают чрезвычайно привязчивы. Может, именно потому милорд Мортон решил отправить своего бывшего ученика на войну? Немного хваленой бладсвордовской удачи — и мужчина бы не вернулся домой.

Но сир оказался живуч. А жаль.

Лорд Флейм никакими словами не мог передать, насколько сильно был недоволен тем, что ему помешали.

Второго сына Боуэна Флейма не менее огорчало и то, что сдвинуть глыбу-рыцаря он был не в состоянии. Пусть Зейир и ругал Дарона за внушительное пузо, и хвастал, что не позволяет себе выглядеть плохо, однако доспехи, что еще десяток лет назад смотрелись на нем прекрасно, уже были малы, а потная рубаха неприятно прилипала к телу и терлась об отросший живот. Брат главы рода Флеймов был невысоким, и хотя и предпочитал называть себя широкоплечим и креп-

ким, но рядом с большинством рыцарей выглядел скорее рыхлым, чем плотным, и это его злило.

Да, он смотрелся куда более привлекательно, чем Дарон, что ныне сидел на троне в землях их рода, однако недостаточно. Светлые волосы, собранные в хвост, были его гордостью — в отличие от шевелюр других братьев они не были жидкими; однако светлые брови и ресницы, что в юности, как думалось лорду, привлекали дев, ныне на светлой коже, что часто краснела в приступах гнева, не добавляли красоты.

Бывший глава рода, Боуэн Флейм, к моменту своей кончины был столь объемным, что, когда его тело подняли в первый раз, чтобы отнести к алтарям, деревянный трон не выдержал внушительной массы, и лорд упал на землю. Тогда его второй жене, Циссе Флейм, матери их с Дароном единокровного брата Крэйда, сделалось плохо — леди долго приходила в себя и через сезон была отправлена на Остров Фейт. Жива она сейчас или нет — Зейир не знал, да и это его мало интересовало.

В тот день глупая женщина решила, что боги разгневались на ее мужа и даже не позволяют ему достойно отправиться в иной мир. Разумеется, второй трон нашли довольно быстро, два плотника набили на него еще один слой досок и добавили дополнительные, чтобы несли лорда не четверо, а шестеро слуг. В остальном церемония прошла успешно, а первого, кто захотел поговорить о случившемся, казнили, и слухи более не разползались.

Дарон полностью пошел в отца, а для Зейира это стало уроком. Более всего он не хотел слышать под старость шуток про себя и еще меньше хотел, чтобы его дети краснели при схожих обстоятельствах. Несмо-

тря на то что покойный уделял почти все свое время только наследнику, Зейир любил отца и страдал без его внимания. Из любви к родителю, да и чтобы самому предстать в лучшем свете, лорд Флейм нашел художников и щедро заплатил им, заказав перерисовать портреты покойного, придав ему более могучую и привлекательную внешность. Естественно, таким же образом переделали все портреты и самого Зейира. Один из художников до сих пор жил в замке лорда, и лишь ему средний сын Боуэна доверял увековечивать себя.

— Милорд, вы вернулись! Я уж подумал, что вы...

Зейир стиснул кулаки.

— Полно, сир Триус! Я не юная леди, чтобы падать в обморок и позволять себя растерзать.

— Я рад, что вы здесь. Милорд... Что это... Объясните мне, что мы видели там, за стенами!

— Доказательство того, что Глейгримы прокляты, душевнобольные и не имеют права на существование. Разве это не очевидно?

— Это были мертвые! Один из тех, кто встал и поднял оружие против нас, когда-то был моим другом и... Я видел, как стрелы пронзили его тело, как одна из них вонзилась ему в сердце и он упал замертво. Я не мог оплакать его тогда, но когда он восстал... Я не поверил своим глазам!

Неужто подобные люди в самом деле становятся рыцарями? Жалкие трусы, слабаки, слюнтяи! Да любой крестьянин на их месте скорее бы схватился за вилы да дубину и начал бы защищать себя и свою семью, а эти... Что за прославленные воины трясутся перед тем, что отличается от их привычного видения мира? Подумаешь, мертвые товарищи вновь встали и пошли против него!

— Не вижу причин поражаться увиденному, сир. Про нашего общего врага ходит множество слухов — они поедают плоть, оживляют мертвецов и принимают ванны из крови детей. Пять поколений назад, если вы помните, Экрог Глейгрим был пойман в ванной, наполненной кровью. И, судя по тому, что я успел узнать о нем из летописей, разменявший четвертый десяток мужчина выглядел словно молодой юноша. Ему не давали более двадцати. Вполне несложно предположить, что если один слух оказался правдив, то и другие могут.

— И вы ничуть не испугались восставших мертвых?

Лорд Флейм, что проявил себя как герой, взял Ке-ирнхелл вопреки появлению Раяла Глейгрима и сумел договориться с Бладсвордами, продумав прекрасный способ уничтожить врага, пусть и не сработавший как задумывалось, горделиво выпрямился.

— Нет. Ни на минуту.

Лорд соврал и даже жестом не выдал себя — вероятно, потому, что беседующий с ним рыцарь был слишком впечатлен случившимся на поле боя и не замечал ничего дальше собственного носа.

На деле же Зейир перепугался не меньше, а то и больше сира. Он был готов обмочить штаны, когда увидел мертвецов. Но это было тогда, и никто не мог обвинить лорда Флейма в трусости, никто не видел его, потому как каждый был занят борьбой со своим собственным страхом. Теперь же Зейир был уверен — это было лишь некоторым замешательством и храбрее его в мире нет человека.

Тогда, завидев, как недавно убитые встают, подбирают свое или чужое оружие и начинают наступать на них, лорд застыл на месте, будто мраморная статуя. Ни одно из чудовищ не могли остановить и два десятка

стрел. Мертвецов рубили мечами, но они шли дальше. Их протыкали копьями, а они все шли.

Первые ряды воинов начали продираться через своих же союзников, чтобы оказаться как можно дальше от исполнившихся кошмаров из детских сказок. Паника охватила все войско, люди бросались прочь, и быстрее всех бежал сам лорд Флейм. Он бросил своих людей самостоятельно разбираться с созданиями потомка Проклятого короля и покинул строй. Он и часть его свиты бежали прочь.

Зейир видел, куда отступает Раял со своими людьми, и мог бы атаковать его — лорд еле держался на коне, на глазах Флейма кто-то из сиров его врага перетащил ослабленного правителя на свою лошадь и поспешно направился на север. Да, Зейир мог напасть, тем более когда Глейгрим был ранен и ничего не соображал, но ужас от встречи с детскими страшилками сковал его, и он поспешил убраться в противоположную сторону.

Стыдно признаться, но он вернулся обратно не раньше чем через сутки. Разумеется, тогда он сказал, что преследовал Глейгрима, но не смог добраться до него, и Зейиру поверили. Или предпочли сделать вид, что все было именно так. Его отряды говорили то же самое — никто не хотел прослыть трусом и тем более опорочить честь милорда, а после быть повешенным в назидание.

Прибыв этим утром, Зейир успел узнать, что стояло только войску проклятого лорда отдалиться на несколько миль, как мертвецы вновь упали на землю и более не вставали. Около трети народа Глейгрима осталось лежать у стен крепости, и если сначала Зейир планировал, что раненые станут пленниками, разумеется, те, чье лечение не потребует больших затрат, то после инцидента с восставшими Бладсворды и Флей-

мы единогласно приняли решение добивать всех, кого только смогут найти. Опасаясь повторения атаки мертвецов, десятки мужчин вызвались рыть могилы. В ближайший город на территории Флеймов отправили посыльного, чтобы тот привез жреца, который смог бы очистить оскверненное место.

Армии двух лордов-союзников также понесли убытки — но вражеское войско и мертвецы были повинны далеко не во всех смертях. Менее трети было убито из-за привычных на поле боя обстоятельств. Значительная часть людей, что служили обеим Великим Династиям, погибла из-за давки — перепугавшись за свои жизни, они рублили и толкали друг друга, топчась по упавшим.

Зейир и сам, кажется, задавил своим Пламенным с десяток солдат и разрубил кого-то, прокладывая путь на волю. Радовало, что в суматохе, творившейся во время осады и сражения, никто не видел позора брата Дарона Флейма.

— Вы очень храбры, милорд, — вежливо и без тени издевки произнес командующий Мортон Бладсворда.

— Благодарю. Вы тоже держались более чем достойно. Вскоре приедет богослужитель, и нам не придется более опасаться подобных... инцидентов, не так ли? Проклятый вражеский род не сможет больше проводить свои темные ритуалы на этой земле.

— Надеюсь, что вы правы, милорд.

— Я много узнавал о врагах моего рода, сир Триус, даже то, что другие считали мифом. Я предпочитаю быть подготовленным. — Он вновь соврал. Дарон и впрямь пытался разузнать про Раяла, Хагсона и всю их родню побольше, а Зейир считал это пустой тратой времени. Тетки, кузины и дальний родствен-

ник-бастард не помогут в войне, чем бы они ни занимались и где бы ни жили.

А уж в порожденные большими умами фантазии про все те ритуалы и магию, что якобы использовали потомки Проклятого короля, следуя оставленным предками пояснениям и советам, Зейир не верил и по-прежнему. До этой битвы.

— Скажите мне, сир, — Зейир устал от темы беседы, она напоминала ему о его несовершенстве, — а этот ублюдок, брат Глейгрима, жив?

— О да, милорд. Он был ранен во время осады, но лекари подлатали его. Он в камере.

— Великолепно!

Потомок Проклятого короля бежал, поджав хвост, и оставил своего братца на растерзание!

Младший брат правителя династии не мог и помыслить, насколько сладка может быть жажда мести. Все то время, пока Зейир искал способы, убеждал брата собрать людей, подгонял свою армию и договаривался с Бладсвордом, внезапно изъявившим желание помочь, его волновали исключительно насущные дела. Да, он горел желанием отомстить и, конечно же, делал все это исключительно ради своей дочери. Однако, как часто бывает, под конец пути он уже и позабыл о бедной Дарии и о том, что сотворил с ней Хагсон.

Зейир продолжал прикрываться ото всех благородством и желанием справедливости, но его охватили совсем иные чувства. Дочь словно стерлась из его мыслей, теперь он жаждал лишь схватить Хагсона Глейгрима и пытать его, причинять ему боль и страдания за то, что он опозорил род Флеймов. Да и просто потому, что брату Дарона этого хотелось.

О, на самом деле он всегда мечтал об этом, но страх, что его не поймут, осудят и он понесет наказание, останавливал его.

И вот теперь Зейир стоял в захваченном замке — брат проклятого врага долго держал оборону, но лорд Флейм верил, что когда-нибудь тот сдастся. Побег Раяла лишь еще больше убедил людей Глейгримов в том, что лучше сложить оружие. Перейти на сторону победителя было разумнее, чем глупо умирать или гадать, переживут ли они следующий день.

— Надеюсь, теперь наш уговор в силе? Свою часть мы выполнили, милорд Флейм.

— Сир Триус, я бесконечно рад нашему взаимовыгодному сотрудничеству! Первую часть того, что милорд Бладсворд обещал мне, вы, безусловно, исполнили, и я всенепременно отправлю ему вореба с благодарностями. Но ныне я спешу.

— Неужто вам столь не терпится познакомиться с обидчиком леди Дарии?

— Разумеется, сир! Я ждал этого слишком долго, чтобы стерпеть еще хотя бы час.

— Мне казалось, милорд, что человек, способный прождать около двух сезонов, успеваешь остыть и понять, что мстить нужно холодно и расчетливо, чтобы вкушать удовольствие полностью. Что значит для прождавшего полгода час-другой?

— Вечность, сир. Для того, кто ждет и идет к цели, бежит к ней сломя голову, спит и видит сны только о том, как он добивается желаемого, а после, когда стоит сделать всего пару шагов и насладиться, его останавливают, то час, даже минута может показаться вечностью.

— Мне жаль, что я мешаю вам упиваться победой. Однако же, милорд, мне необходимо следовать указам моего правителя.

— И это не может подождать?

Дарон всегда называл своего брата нетерпеливым, вспыльчивым и капризным. Может, потому, что у того было свое мнение, он был способен постоять за себя и отстаивать свою точку зрения. Или потому, что, в отличие от Дарона, Зейир не успел пропитать все свои лучшие годы, а амбиции не утолял бесконечными яствами.

Скорее всего, жена правителя Флейма, леди Лилан, была в большей степени виновата в произошедших с ее мужем изменениях. Зейир помнил еще те времена, когда старший брат строил огромное множество совершенно безумных планов — он то желал отправиться в Новые Земли, то кричал, что отвоюет свои владения у мерзких Глейгримов, то приударял за девушками. Но после свадьбы он стал совсем другим человеком — и даже любовницу, хоть ему и советовал Зейир, Дарон так и не завел. С каждым днем он все больше превращался в старого, трусливого, ворчливого и слабого старика. Дарон называл это мудростью, опытом и взрослением, но брат правителя понимал — тот сломался.

Дарон Флейм, некогда претендовавший на звание неплохого правителя, хорошего лорда и человека, что добывается желаемого, стал вялым, дряблым, трусливым и мягким. О, старший из братьев никогда не славился чрезмерной храбростью, и там, где Зейир не позволял себе и дрогнуть, нынешний правитель начинал трястись, жмуриться и пытаться убежать. Но окончательное падение наследника их отца было отмечено